

К 40-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

О ЧЕМ РАССКАЗАЛА СТАРАЯ ФОТОГРАФИЯ

Со временем желтеют фотографии. Но память не стареет, хотя детали уже начинают забываться. Этот снимок сделан в Ленинграде в 1942 году, еще до прорыва блокады.

Тогда, в блокадную зиму, были созданы фронтовые бригады мастеров искусств Ленинграда. Артисты театров, филармонии, радио выступали с концертами для бойцов в воинских частях (а до фронта можно было дойти пешком), в госпиталях, на заводах, организовывали коллективы художественной самодеятельности, которые вливались в общий боевой строй нашего искусства. Среди этих подвижников был Борис Анатольевич Горин-Горайнов. Сначала он не мог встать от голода, но оставить Ленинград категорически отказался. Вместе с женой они переехали в его персональную гримерную в Театр им. Пушкина. Он следил за тем, что делается вокруг, давал советы, готовился открыть «блокадный театр».

Наряду с бригадами мастеров искусств были созданы ансамбли трудовых резервов, МПВО, а также управления пожарной охраны города. Актеры тоже входили в состав подразделений МПВО. Прямо с дежурств, от станков, после тушения пожаров люди спешили на концерты и вдохновенно читали, пели, танцевали.

Довелось и нам с братом попасть в концерты, в которых участвовали Софья Пре-

ображенская, Иван Нечаев, Валентин Легков, Надежда Вельтер, пианист Александр Каменский, ветеран сцены Борис Нежданов, многие другие и, наконец, поднявшийся Борис Анатольевич. Когда в задымленном зале, при свете лучин и потрескивании «буржук», раздавалось: «Выступает народный артист республики Горин-Горайнов», публика оживала. В эти дни, в небольшие перерывы между бомбежками и обстрелами звучал смех, который был сильнее орудий и взрывов...

Ни разу не было случая, чтобы Борис Анатольевич не пришел на концерт, на репетицию. Однако он стремился к большему. Пока создавался Городской театр на Невском, Горин-Горайнов сколотил маленькую труппу и начал готовить вечера одноактных водевилей, скетчей, инсценированных рассказов. Вот она, эта «труппа», на снимке. В центре — ее создатель, слева — артист Колотушкин, справа — заслуженный деятель искусств Ф. П. Богданов (через несколько дней после спектакля погибший от голода). В центре нижнего ряда сидит жена Бориса Анатольевича — артистка Исакова, его друг и помощник, слева от нее артистка эстрады Татьяна Цветкова (исполнительница детских рассказов), справа — заслуженная артистка республики Нина Железнова. И мы с братом запечатлены на этом снимке, так как тоже в то время участвовали в спектаклях.

Горин-Горайнов играл с

полной отдачей сил. Великолепен он был в инсценированном рассказе Марка Твена «Интервью», а также в известной «Тетке Чарлея», которая шла под названием «Тетка Джека», где он был неповторим, изображая даму. А потом «Провинциалка» И. С. Тургенева, где играли и мы с братом: я — казачка Аполлона, брат — лакея графа. Графом был Борис Анатольевич. Трудно забыть, как талантливо он играл сцену «пения». Актеру с большим природным слухом и хорошим голосом приходилось по роли так фальшиво петь, что зрители не могли поверить, что исполнитель на самом деле имеет хоть каплю слуха.

Борис Анатольевич гримировался всегда сам и учил нас это делать. Иногда он сажал меня на колени перед зеркалом и, рассказывая смешные истории, преподавал уроки грима. Однажды обстрел задержал нас с братом, мы опоздали в театр на полчас. Конечно, можно было начинать и без нас, невелики были роли, но Борис Анатольевич не мог начинать: он просто волновался за нас. Увидев нас целыми и невредимыми, успокоился: «Живо гримироваться!» В гримерной пахло валерьянкой, а он уже опять шутил. Сделал из волос рога, пел арию Мефистофеля и как бы между прочим спросил: «Значит, прорвались через Невский заслон?» (Мы шли с Васильевского острова, а он знал, что переход через Неву был опасен).

В это время принесли письмо с Большой земли — из Новосибирска, от коллеги и партнера Бориса Анатольевича — народного артиста СССР Ю. М. Юрьева. Прочел, помрачнел: «Опять зовут. Говорят, что мне необходимо сливочное масло...» В это время из зала раздались аплодисменты. «Всем нужно масло, — сказал он, — а им (он показал в сторону зрителей) сейчас нужны мы!» А когда в скетче Татьяна Цветкова, угощая гостя, положила на стол «сыр», роль которого «играла» специально доставленная со склада МПВО брюква, а гость, увлекшись сценой, захрустел этим «сыром», Борис Анатольевич

прошептал: «Пошлю-ка я в Новосибирск ломтик этого сыра... к их маслу, небось, не пробовали этакого».

Своим примером он вдохновлял всех. «Известна истина, что нет маленьких ролей — есть маленькие актеры, — говорил нам Борис Анатольевич. — Чем бы вы ни стали, на любом участке считайте, что вы играете главную роль». И это напутствие очень помогло нам и в те суровые дни, и во все остальные годы жизни...

Горин-Горайнову удалось увидеть большой городской театр с его «Фронтом», «Нашествием», «Жди меня», «Ревизором», но он не дожид до Победы. Зимой 1944 года

Ленинград хоронил великого мастера. Несмотря на мороз, на угрозу обстрела или бомбежки, за гробом от Театра имени Пушкина по Невскому проспекту, мимо Городского блокадного театра и Театра Евгения Деммени, шла огромная толпа благодарных зрителей, гражданских и военных соратников, потрясенных утратой. Провожала в последний путь артиста, гражданина, героя Великой обороны, имя которого навсегда останется в памяти искусства.

И. ВОРОНЦОВ,
доктор медицинских наук,
полковник медицинской
службы.